

СПИВАК Д. Л.

ЛИНГВИСТИКА ИЗМЕНЕННЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Лингвистика измененных состояний сознания представляет собой новую, динамично развивающуюся область языкознания. Дело в том, что именно в подобных состояниях сознания анализ закономерностей естественной речевой деятельности становится особенно эффективным. К измененным состояниям сознания следует отнести состояния стресса и переутомления, особенно в условиях напряженной работы или тяжелой природной среды; состояния тревоги и страха либо сильного волнения и радости при нарушении привычных жизненных стереотипов или резком изменении жизненной обстановки и т. п. Для изучения этих процессов можно использовать, в частности, данные состояния людей, с лечебной целью принимающих психофармакологические средства, что подразумевает искусственно вызываемые измененные состояния сознания.

Проводимое большим количеством научных коллективов изучение измененных состояний сознания стало в последние годы приоритетным направлением в изучении мышления. С 1973 г. в США издается международный «Журнал измененных состояний сознания» [1], библиографические перечни насчитывают тысячи трудов по этой теме [2], получившей особенно динамичное развитие после международного симпозиума по измененным состояниям сознания (Торонто, 1978) [3]. В настоящее время ученые восьми европейских стран и США проводят совместный крупномасштабный проект «Международное исследование измененных состояний сознания» (сокращенно ISASC) [4].

Языковой материал, собранный к настоящему времени по данной проблеме, весьма обширен, но в то же время рассеян по сотням публикаций в пределах десятка различных наук — от психологии до реаниматологии. Отметим, что осмысливая полученный языковой материал, исследователи нередко преувеличивают специфичность отдельных состояний сознания. Так, согласно мнению даже ведущих теоретиков в данной области, в принципе возникает столько новых «наук» и метаязыков описания, сколько есть измененных состояний [5, 6]. В пределах же каждого из последних язык настолько прозрачно передает структуры мышления, что их можно легко установить на основе языка, не опасаясь искажений [7]. Подчеркнем, что такой подход ведет к отрыву наук о мышлении от аппарата современной теоретической лингвистики, что неизбежно влечет за собой возникновение противоречий и осложнений при попытках обобщения языкового материала. Поучительно наблюдать, как при анализе измененных состояний сознания появляются уже встававшие перед языкознанием проблемы, в частности, затруднения, возникавшие в свое время перед классической лингвистикой.

Следует вместе с тем признать, что в рамках лингвистики не проводилось попыток разобраться в этом хаосе эмпирических наблюдений. Так, даже упоминание о проблемах языка при измененных состояниях сознания отсутствует в авторитетных компендиумах психолингвистики, вышедших под редакцией Т. Себеока (1974), Х. Хальбе (1976), Дж. Мортон и Дж. Маршалла (1977), Ф. Экмана (1977), Д. Фосса и Д. Хейкса (1978), Ж. Придо (1980), Ш. Розенберга (1982), а также известном курсе Д. Слобина (русский перевод — 1976 г.), издаваемом Т. Слама-Казаку «Международном журнале психолингвистики».

Задачей настоящего обзора лингвистики измененных состояний сознания является последовательное обобщение полученных в данной области результатов с позиций советского теоретического языкознания. Отметим, что научный приоритет в изучении проблем языка при измененном сознании принадлежит ученым нашей страны. В частности, сам термин «лингвистика измененных состояний сознания», разработка предмета и методов этой дисциплины впервые были введены и обоснованы именно в советском языкознании [8].

Основной практической потребностью, стимулирующей изучение языка при измененных состояниях сознания, является предсказание их характера и степени глубины при деятельности человека в необычных условиях. Здесь имеется в виду как прогнозирование при массовом отборе людей для работы в условиях холода, высокогорья, подводной среды и в условиях смещенных пространственно-временных и информационных стереотипов (например, в океане или в космосе), так и задача определения степени нервно-психической устойчивости у конкретных людей с целью улучшения производительности труда и облегчения климатической и социальной адаптации. Важным принципом этих исследований, содержательно развитых в советской науке о мышлении, является положение о диалектическом характере отражения последним объективной реальности, выражающемся в работе сложного, социально обусловленного механизма адаптации познающих структур по отношению к познаваемому [9]. В целях массовости и скорости обработки результатов практика требует создания для эффективного прогноза протекания измененного состояния языкового теста, выявляющего на основе нормальной речи испытуемого тип естественно возникающего у него в сложных условиях измененного состояния.

Изучение языка при таких состояниях имело исходным пунктом идеи группы исследователей, пришедших в 20-х годах к выводу о связи отношения частоты встречаемости отдельных частей речи со степенью эмоциональной устойчивости человека [40]. Проведенные позднее в различных странах во время природных и других катаклизмов наблюдения указали на наличие целого комплекса характерных изменений языка, к которым можно отнести также увеличение доли синтагматических ассоциаций и числа устойчивых словосочетаний [41]. Важным объектом изучения, на котором были проверены такие наблюдения, стала речь операторов-специалистов, занятых особо ответственным и эмоционально-напряженным трудом. Такие исследования наметили положения о значительном росте в состоянии стресса частоты встречаемости устойчивых словосочетаний, эмоционально-значимых слов, увеличения числа глаголов при уменьшении числа существительных и прилагательных, а также возможной перестройке синтаксической структуры высказываний и тема-рематического единства речи [12]. Большая группа исследований была посвящена восприятию и порождению речи оператором в условиях затрудненного восприятия (шума). В морфологическом плане устойчивость при возникающих здесь состояниях сознания обнаружили формы существительных в именительном падеже и глаголов в активном залоге, в лексическом плане — высокочастотные слова, в синтаксическом — нераспространенные простые предложения [14]. Основным звеном, вокруг которого группировались перестройки языковой структуры, оказался глагол в предикативной функции [13]. В условиях применения других методов изменения сознания (лишение сна [15], нарастание темпа речи, синхронно переводимой испытуемым с родного языка или на родной язык [16]) отмечались в принципе сходные закономерности, к сожалению, весьма слабо доказанные в количественном отношении. Не всеми исследователями выделялись какие-либо стадии изменения языка в процессе углубления измененного состояния, что, возможно, было связано с неодинаковой глубиной и размахом стрессовой ситуации. Вместе с тем при тенденции к выделению таких уровней полученная картина была нетривиальна. Так, при переходе от легкого утомления к среднему устойчиво наблюдался этап временного улучшения языковых характеристик, не получивший пока удовлетворительного объяснения [16, 17].

Таким образом, при углублении измененного состояния сознания язык проявлял тенденцию к выявлению согласованных изменений основных уровней своей структуры. С целью углубленного исследования этих закономерностей полезно рассмотреть процессы засыпания и пробуждения при естественном сне и гипнозе [19]. Применяемые здесь методики включали как регистрацию с помощью магнитофона спонтанной речи засыпающего испытуемого [18], так и проведение психолингвистического теста непосредственно после пробуждения многократно в течение ночи. Наиболее конструктивные результаты были получены на этом материале группой психолингвистов, установивших, что чем быстрее испытуемый просыпался и переходил к нормальному состоянию, тем меньше в регистрируемой сразу вслед за этим спонтанной речью было простых нераспространенных предложений, прямо относящихся к содержанию предшествующего сна [20]. Такие наблюдения при их сопоставлении могут подтверждать связь некоторых важных структур типа простых предложений или генерализованных слов с уровнями сознания, а также неслучайный характер основных выделяемых по данным языка типов присущих испытуемому измененных состояний сознания [12]. Таким образом, была нащупана эмпирическая основа для языковой типологизации измененных состояний сознания. Повышение эффективности последней возможно лишь при теоретическом осмыслении построения наиболее глубоких уровней языковой способности.

В рамках естественно возникающих измененных состояний сознания такую возможность могут дать лишь процессы естественного старения и умирания организма. Результаты немногочисленных экспериментов, которые были здесь проведены, показывают, по нашему мнению, структурное единство с отмеченными выше закономерностями: в речи таких испытуемых убывает частота встречаемости существительных и прилагательных, союзов и предлогов, в пользу известного повышения частоты устойчивых словосочетаний-«штампов», местоимений, наречий и частиц, уменьшается средняя длина слова и предложения, происходят глубокие изменения в способах выражения предикативности [21; 22, с. 301].

Таким образом, сопоставительный анализ результатов ряда конструктивно поставленных психолингвистических экспериментов способен обнаружить в них черты системной общности, хотя многие авторы сводят дело то к действию локальных зон мозга, то к доминации эмоционального фактора, а зачастую — и к спонтанным, непредсказуемым изменениям языковой структуры. Предположение о едином, вызванном разной степенью глубины измененного состояния процессе диссоциации языка позволяет ранжировать все эти состояния — от легкого утомления до комы — по чисто лингвистическим критериям и сделать последовательными полученные в этих экспериментах данные. Как видим, для этого не понадобилось изобретение каких-либо новых «наук», а такие хорошо разработанные в языкознании универсальные проблемы, как взаимная обусловленность и онтологическая иерархичность всех уровней языковой структуры, еще раз обнаружили свою научную достоверность и ценность [23]. Важной чертой, отличающей лингвистику измененных состояний сознания, следует считать то, что в отличие от изучения афазии, детской речи и пр., исследовалась совершенно нормальная, полностью сформировавшаяся речевая способность, лишь поставленная в благоприятные для выявления ее особенностей условия, встречающиеся, впрочем, в жизни каждого человека довольно часто, — ведь каждому приходится сильно волноваться, мерзнуть, засыпать и т. д.

Преимуществом подхода к уровням языка с точки зрения измененных состояний является и то, что их лингвистическая типология примерно совпадает с типологиями, построенными с помощью методов других наук (физиологии, электроэнцефалографии и т. д. [24]). Поскольку язык является наиболее репрезентативным средством реализации мышления, такое положение способно поставить лингвистику на ведущее место в числе наук, изучающих измененные состояния сознания. Как нам представляется, лишь такое отношение было бы методологически обоснованным в свете

примата высших, обусловленных социумом характеристик и функций языка [25].

Как известно, важным принципом действия мозга является сохранение в свернутом виде как пройденных в развитии данного человека этапов (онтогенез), так и этапов, пройденных в развитии социума вообще (филогенез). Поскольку в условиях измененных состояний сознания высвобождаются и доступны наблюдению глубокие филогенетически древние уровни мозга, можно сделать предположение о соответствиях этому процессу и в языке. С одной стороны, материал измененных состояний сознания представляется здесь важным именно потому, что такие уровни просматриваются непосредственно, с испытуемым можно успешно общаться, используя лишь языковые структуры данного глубинного уровня. С другой стороны, поскольку нельзя исключить появления архаичных, типологически далеких образований, при анализе этого нового материала снова встает проблема адекватного описания при полевом наблюдении языка, поставленная, к примеру, во всей ее сложности в рамках дескриптивизма. Обсуждаемые в лингвистике еще со времен А. Шлейхера связи онтогенеза языка с его филогенезом расцениваются в общем положительно, если восстановление архаичных, глубинных уровней языка проводится на материале культурологических универсалий и данных детской речи [18].

Разумеется, возможности языковой реконструкции на материале измененных состояний имеют свои границы. Здесь могут быть выявлены лишь латентно присутствующие, сохранившие хотя бы в небольшой степени свою роль филогенетические структуры языка. Весьма плодотворной в этом плане нам представляется высказанная в современном языкознании гипотеза о своеобразной «глубине», внутренней «диахроничности» статистики языка в каждый момент времени именно за счет неявного присутствия в синхронии продолжающихся уже долгое время и еще не завершившихся изменений [26]. Дополнительным тезисом в пользу такой точки зрения могут служить результаты исследования периферийных стилей языка, употребляемых часто в измененных состояниях сознания. Сюда относится исследование бранной лексики с характерными для нее грамматическими структурами (см. анализ около 100 языков — [27]), реликтовых сакральных языков некоторых народностей [28], а также определенных черт исчезающего в рамках билингвизма субстратного языка [29]. Всем этим стилям присущи «сжатие» лексики до небольшого ядра высокочастотных, актуализируемых в конкретных ситуациях по-разному лексем, высокая частота устойчивых словосочетаний, архаичность способов выражения предикативности и пр.

Можно ли сказать, что закономерности изменений языка сводятся к небольшому набору приведенных выше разрозненных фактов? Очевидно, существо дела не ограничивается только ими. Так, относительная частота словосочетаний-«штампов» — скорее удобный индикатор поведения ряда уровней языка в их взаимодействии, чем подлинно глубинная структура. Кроме того, эти показатели были специально выделены нами из комплекса полученных разными исследователями данных. Естественно, что для каждого измененного состояния сознания эти простейшие универсалии дополняются богатым набором зачастую весьма неожиданных и своеобразных явлений языка. Что касается этой лингвистической проблематики, наиболее корректным нам представляется их изучение на материале искусственно вызванных измененных состояний сознания, поскольку именно здесь они могут продуцироваться многократно и иметь любую интересующую экспериментатора глубину.

Прежде чем перейти к этому предмету, заметим, что изучение измененных состояний сознания все же побуждает внести некоторые коррективы в традиционные для лингвистики положения. Примером могут служить сосюрювские антиномии. Внешняя среда воздействует на языковую способность при измененных состояниях настолько сильно и органично, что здесь представляется нецелесообразным для анализа языка деление на внутреннюю и внешнюю лингвистику. Проблема выявления архаичных слоев языка, еще влияющих на поверхностный уровень, возможна лишь

при принципиальном объединении диахронии и синхронии, также противопоставляемых Соссюром. Однако и здесь методологически обоснованным представляется не построение новых моделей, а скорее смена точки зрения. В данном случае наиболее плодотворным для теории нам представляется возврат в новых условиях и с современных методологических посылок к антиномиям В. Гумбольдта. Следует заметить, что на качественно другом материале к сходным выводам приходят ведущие коллективы, работающие в области инженерной лингвистики [30]. В свете выдвинутого этим направлением принципа имитации естественного языка в рамках искусственного интеллекта [30, 31] назревшим и конструктивным представляется системное сопоставление результатов инженерно-лингвистических работ с предметом настоящего обзора.

Переходя к искусственно вызываемым измененным состояниям сознания, следует напомнить, что они продуцируются с помощью фармакологических средств, воздействующих на организм в целом, имитируя необычные условия существования. Отдельные психолингвистические наблюдения на единичных примерах проводились до 70-х годов [32], однако последовательное изучение языка в этих условиях происходит лишь в последние годы [8]. Наиболее достоверными здесь можно считать результаты, полученные при исследовании запоминания слов и предложений. Ряд приведенных с помощью различных психофармакологических средств опытов позволяет отделить воздействие измененного состояния сознания на наблюдаемые перестройки в функционировании языковой памяти от влияния артикуляционного аппарата [33], семантико-мотивационных компонент мышления [34], долгосрочной образной памяти [35], речи самого экспериментатора [36] и т. д.

В ходе этих исследований ученые натолкнулись на присущий всем видам измененных состояний сознания, но не объясненный до сих пор науками о мышлении феномен так называемой «разрывной» памяти. Сущность этого явления состоит в том, что языковые структуры, усвоенные испытуемым при измененном состоянии сознания, практически не воспроизводятся или порождаются им с трудом при нормальном состоянии. Зато если его погрузить снова в измененное состояние, весь усвоенный материал будет без искажений воспроизведен [см. 37]. Таким образом, связанная с языком память отчетливо делится на зоны, весьма слабо соотносимые между собой и действующие попеременно, в зависимости от состояния сознания. Большое количество доказательных исследований, проведенных в этой области к настоящему времени, позволяет считать существование «разрывной» языковой памяти научно обоснованным практически для всех измененных состояний сознания [38—40]. Специальные синтаксические исследования, проведенные на материале «разрывной» памяти и затронувшие такие важные явления, как склонность испытуемого к использованию сложных конструкций или к предпочтению определенного порядка в расположении членов предложения, позволяют говорить о том, что не только языковая память, но и все структуры языка в полной мере участвуют в этом феномене [41].

Некоторые загадочные проблемы «разрывной» памяти могут, по нашему мнению, быть решены лишь на основании теоретико-лингвистического подхода. Так, прослеживаемые при использовании разных психофармакологических веществ типы «разрывной» памяти различаются довольно сильно. Нужно ли вводить особый тип такой памяти для каждого вещества? В литературе высказана, но не обоснована точка зрения, согласно которой следует говорить лишь о различных глубинных уровнях измененного состояния сознания, до которых мышление испытуемого «опускается» при воздействии каждого фармакологического вещества, а разным таким уровням уже действительно присущи свои типы «разрывной» памяти [42]. Для доказательства такого положения необходимо исследование взаимодействия семантических и логических компонент мышления, возможное лишь при помощи лингвистических методов, что повышает интерес к лингвистической методике со стороны представителей других наук.

Затронутая здесь тема приобретает принципиальное значение в связи с ростом в развитых промышленных странах числа людей, находящихся в неглубоких, но постоянных измененных состояниях сознания. Здесь имеются в виду лица, систематически употребляющие в значительных дозах алкоголь, снотворное, транквилизаторы, стимуляторы, а также находящиеся в условиях загрязненной окружающей среды. С учетом этих факторов доля лиц, систематически находящихся в измененных состояниях сознания небольшой глубины, может составить, по мнению специалистов, до трети крупной городской популяции [43, 44]. Нужно подчеркнуть, что также для курящих многие из описанных выше явлений, включая и «разрывную» память, можно считать достоверно доказанными [45]. Если подсчеты специалистов справедливы, то речевая деятельность, обнаруживающая воздействие измененных состояний сознания, может становиться весьма распространенным явлением, а присущие ей черты «грамматики» измененных состояний сознания активно воздействуют на традиционные механизмы языковой эволюции.

Таким образом, последовательный лингвистический анализ способен обнаружить в работах, на первый взгляд затрагивающих специфические и не принадлежащие компетенции языкознания явления, черты системной общности, связанные с построением глубинных уровней языковой способности. Поэтому можно считать целесообразной и назревшей постановку массового эксперимента, обобщающего (на основе изучения всех типов естественно возникающих или искусственно вызванных измененных состояний сознания) закономерности построения основных уровней языка. Согласование результатов такого эксперимента с достижениями различных наук, изучающих мышление, может способствовать составлению конкорданса всех полученных ранее по различным методикам данных о языке при измененном состоянии сознания. В таком эксперименте, поставленном автором на материале речи около полутора тысяч человек, где основным принципом был принят строго лингвистический подход, были обоснованы ведущие закономерности языков номинативного и эргативного типов при измененных состояниях сознания и начато лексико-грамматическое описание языковой структуры основных глубинных уровней русского языка [46]. Работа проведена в рамках системы массового отбора, функционирующей на базе АН Киргизской ССР под руководством В. И. Медведева и А. А. Айдаралиева при участии Р. Курманалиевой. На этой основе были сформулированы основные принципы теоретического построения лингвистики измененных состояний сознания и составлен тест для прогноза по данным речи характера приспособления испытуемых к необычным условиям существования. В настоящее время тест внедрен в практику (например, при отборе участников 28 Советской Антарктической экспедиции [см. 47]) и обнаружил большую эффективность сравнительно с пользующимися заслуженным авторитетом физиологическими методиками.

Переходя к перспективам лингвистики измененных состояний сознания, возможно разделить их на непосредственные и более отдаленные. К первым целесообразно отнести дальнейшее углубленное изучение многоуровневой структуры языка при этих состояниях и их сопоставление с результатами сравнительно-исторических, типологических и инженерно-лингвистических исследований. В практическом плане можно ожидать продолжения широкого внедрения основанных на таком подходе лингвистических тестов в систему массового отбора людей для работы в необычных условиях существования.

Более отдаленная перспектива связана с анализом составления и восприятия текстов, предполагающих воздействие на глубинные уровни сознания слушателя или читателя. Так, некоторые специалисты по средствам массовой информации уже начали работу над наиболее эффективной структурой текстов сообщений о надвигающихся природных катаклизмах, где нужно представить информацию максимально быстро и убедительно, но не создавая паники [48]. Еще одна задача — составление теста, при помощи которого врач проводит сеанс психотерапии,

где особенно важно воздействие на самые труднодоступные слои сознания [49]. Наконец, дополнением к филологическому анализу некоторых литературных жанров — прежде всего поэзии — может быть исследование текстов, авторы которых при их написании находились в искусственно вызванном измененном состоянии сознания [50], а прежде всего — весьма давней проблемы воздействия ритма и метра на глубинные уровни сознания [51] и выделение таких элементов стихосложения, как латентное склонение или анаграммы, которые преимущественно связаны с этими уровнями.

Приведенные результаты позволяют считать целесообразным и обладающим практической значимостью дальнейшее развитие лингвистики измененных состояний сознания как части теоретического языкознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Journal of altered states of consciousness. New York, 1974 и сл. (с 1981 г. название журнала изменено).
2. Brown D. et al. Selected bibliography of readings in altered states of consciousness in normal individuals.— International journal of clinical and experimental hypnosis, 1977, № 4.
3. Meadow M. et al. Spiritual and transpersonal aspects of altered states of consciousness: a symposium report.— Journal of transpersonal psychology, 1979, № 1.
4. Dittrich A. et al. ISASC. Tl. 1 — Schweizerische Zeitschrift für Psychologie und ihre Anwendungen. Zürich, 1981, № 3, S. 189 ff.; Tl. 2 — Schweizerische Zeitschrift für Psychologie und ihre Anwendungen, 1981, № 3, S. 201 ff.; Tl. 3 — Zeitschrift für experimentelle und angewandte Psychologie, 1982, № 2.
5. Tart Ch. States of consciousness and state-specific sciences.— Journal of altered states of consciousness, 1975, № 1, p. 93.
6. Fischer R. On images and pure light.— Journal of altered states of consciousness, 1977—1978, № 3, p. 211.
7. Leikas L. et al. Self-descriptions of problem drinkers.— Journal of altered states of consciousness, 1979—1980, № 1.
8. Спивак Д. Л. Лингвистическая типология искусственно вызываемых состояний измененного сознания. Сообщение 2.— Физиология человека, 1983, № 1, с. 152—153.
9. Философские проблемы теории адаптации. Под ред. Царегородцева Г. И. М., 1975, с. 139.
10. Шванцара Ч. и др. Диагностика психического развития. Прага, 1978 с. 195.
11. Связищ А. М. Неврозы и их лечение. М., 1959, с. 179—190.
12. Носенко Э. Л. Попытка системного подхода к анализу речи в состоянии эмоциональной напряженности.— Психологический журнал, 1980, № 6, с. 54—59.
13. Луцких И. М. Семантическая маскировка речевых сообщений при многоканальном приеме.— В кн.: Тезисы VI Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1978, с. 114—115.
14. Штерн А. С. О возможности расширения гипотезы Якобсона.— В кн.: Тезисы VIII Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1982, с. 140.
15. Glenville M. et al. Reliability of the Stanford sleepiness scale compared to short duration performance tests and the Wilkinson auditory vigilance task.— Pharmacology of the states of alertness. Ed. by Passouant p. et al. Oxford, 1979, p. 236—238.
16. Vamling K. Experiment med simultantolkning.— Praktisk lingvistik, 1982, № 7.
17. Вейн А. М. О роли полушарий головного мозга в реализации адаптивных механизмов у человека.— Журнал высшей нервной деятельности, 1982, № 6, с. 1165.
18. Иванов Вяч. Вс. Очерки по истории семантики в СССР. М., 1976, с. 121—122, 257.
19. Solano L. et al. La comunicazione nei soggetti psicosomatici in funzione dello stato di coscienza e di interazione.— Archivio di Psicologia neurologia e psichiatria, 1981, № 2.
20. Cipolli C. et al. Memory processes involved in morning recall of mental REM-sleep experience: a psycholinguistic study.— Perceptual and motor skills, 1981, № 2.
21. Будза В. Г. Особенности речевой продукции при сенильной деменции.— Журнал невропатологии и психиатрии, 1982, № 12.
22. Hackett Th. et al. Reactions to the imminence of death.— In: The threat of impending disaster. Ed. by Grosser G. et al. Cambridge, 1964.
23. Климов Г. А. Принципы континентальной типологии. М., 1983, с. 164.
24. Fromm E. Primary and secondary process in waking and in altered states of consciousness.— Journal of altered states of consciousness, 1978—1979, № 2, p. 118.
25. Панфилов В. З. Языки как предмет языкознания. Общественная природа языка.— В кн.: Онтология языка как общественного явления. М., 1983, с. 19 и сл.
26. Степанов Г. В. Введение.— В кн.: Грамматика и семантика романских языков (к проблеме универсалий). Под ред. Степанова Г. В. М., 1978, с. 5—6, 16.
27. Gregersen E. Sexual linguistics.— Annals of the New York Academy of sciences, 1979, v. 327.

28. *Dixon R.* A Grammar of Yidin. London, 1977, p. 504.
29. *Dorian N.* Language death. The Hague, 1977, p. 9—19, 55—69.
30. *Пиотровский П. Г.* Инженерная лингвистика и теория языка. Л., 1979, с. 56, 100—101.
31. *Hill D.* Spoken language generation and understanding by Machine; a Problems and Applications Oriented Overview.— In: Spoken language generation and understanding. Ed by Simon J. Dordrecht, 1980, p. 29.
32. *Bronowski J.* Language in a biological frame.— In: Current trends in linguistics. Ed by Sebeok Th. V. 12. The Hague, 1974, p. 2541.
33. *Borden G.* The effect of mandibular nerve block upon the speech of four-year-old boys.— Language and speech, 1976, № 2, p. 173.
34. *Максименко Т. В.* Влияние транквилизаторов на кратковременную память у больных с пограничными формами нервно-психических расстройств.— Журнал невропатологии и психиатрии, 1983, № 5, с. 740.
35. *Solomon S. et al.* Impairment of memory function by antihypertensive medication.— Archives of general psychiatry, 1983, № 10, p. 1110.
36. *Natale M. et al.* The effect of psychotomimetics on therapist — patient matching of speech «Rhythms».— Journal of communication disorders, 1979, № 1.
37. *Goodwin G. et al.* Alcoholic «blackouts»: a review and clinical study of 100 alcoholics.— American journal of psychiatry, 1969, № 2, p. 191—198.
38. *Jensen H. et al.* Amnesic effects of diazepam: «drug dependence» explained by state-dependent learning.— Scandinavian journal of psychology, 1982, № 2.
39. *Weingartner H. et al.* Acquisition and Retrieval of information in amphetamine-treated hyperactive Children.— Psychiatry research, 1982, № 1.
40. *Leight K. et al.* Emotional mood states, strategies and state-dependency in memory.— Journal of verbal learning and verbal behaviour, 1981, № 3.
41. *Collins P. A.* Comparison of the oral syntactic performance of alcoholic and non-alcoholic adults.— Language and speech, 1980, № 3.
42. Psychologische Beiträge, 1980, № 4.
43. *Брезман И. И.* Философско-методологические аспекты продления здоровья человека.— ВФ, 1982, № 2, с. 50.
44. *Bell R.* Four new approaches to socialization: an evaluation of their advantages and disadvantages.— Journal of abnormal child psychology, 1981, № 3.
45. *Peters P. et al.* Cigarette-smoking and state-dependent memory.— Psychopharmacology, 1982, № 3.
46. *Спивак Д. Л.* Язык в условиях измененных состояний сознания.— ВЯ, 1983, № 5.
47. *Спивак Д. Л., Курманалиева Р., Айдаралиев А. А.* Опыт применения лингвистического теста при массовом отборе для работы в экстремальных условиях: Тезисы докладов II Всесоюзного симпозиума «Проблемы оценки и прогнозирования функциональных состояний организма в прикладной физиологии». Фрунзе, 1984, с. 339—340.
48. *Williams H.* Human factors in warning-and-response systems.— In: The threat of impending disaster. Ed. by Grosser G. et al. Cambridge, 1964, p. 85.
49. *Spence D.* Language in psychotherapy.— In: Psycholinguistic research: implications and applications. Ed. by Aaronson D. et al. Hillsdale, 1979.
50. Psychofarmakologia, 1980, s. 16.
51. *Farrell J.* Poetry and altered states of consciousness.— Journal of altered states of consciousness, 1979—1980, № 2, p. 141.